

A man with grey hair, wearing a dark blue suit and a light blue shirt, sits in a wheelchair. He is positioned in the foreground, looking off to the side with a serious expression. Behind him is a body of water, likely a river, with a bridge spanning across it. In the background, a dense city skyline is visible, featuring several tall, modern skyscrapers under a blue sky with scattered white clouds. The overall scene suggests a juxtaposition of power and physical limitation in an urban environment.

Альтер М.

Шепот ассистента

Альтер М. Шепот ассистента

<https://litres.ru/74394583>

SelfPub; 2026

Аннотация

Успешный бизнесмен Андрей Строганов после инсульта оказывается полностью парализован. Единственный мост с миром – его взгляд, считываемый специальной системой. Но ассистент Виктор, управляющий этой системой, намеренно искажает команды, методично разрушая империю и изолируя хозяина. Андрей понимает: его держат в заточении, а все вокруг считают его овощем. Чтобы спасти дело и жизнь, ему нужно найти союзников и доказать, что разум ясен, даже когда тело не подчиняется. Напряжённый триллер о силе воли, предательстве и борьбе за право быть услышанным.

Содержание

Глава 1. Тишина после грома	4
Глава 2. Танец с тенью	34
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Альтер М.

Шепот ассистента

Глава 1. Тишина после грома

Тишина была не просто отсутствием звука. Она была существом. Плотным, вязким, как расплавленный свинец, она заливала уши, давила на барабанные перепонки, просачивалась в каждую пору кожи, в каждую извилину мозга. Она была бездонным колодцем, в который проваливается крик, даже не успев родиться. Андрей Валентинович Строганов лежал на спине и слушал эту тишину. Он был её пленником уже восемь месяцев, три недели и четыре дня.

Раньше он ненавидел тишину. Она казалась ему синонимом застоя, бездействия, смерти. Его жизнь была соткана из звуков: гул переговорных, резкие трели телефонов, скрежет подписываемых договоров, властный стук его собственных каблуков по мраморным полам «Строганов-Холдинга». Он был громом, внезапно поразившим деловой мир. Он был штормом, сметающим конкурентов. Он был оркестром, в котором каждая струна, каждый ударный инструмент звучали в унисон его воле. Теперь от всего этого осталась лишь глухая, всепоглощающая тишина, изредка прерываемая звуками, которые он не выбирал: размеренным писком медицин-

ского оборудования, шорохом накрахмаленной униформы, приглушенными голосами, говорящими о нем так, словно он уже перешагнул черту.

Он не мог пошевелить ни одним мускулом. Ни пальцем, ни веком. Ничем. Совершенно ничем. Казалось, его тело — это свинцовый саркофаг, в который замуровали его разум. Он был заперт в собственной голове, в капсуле, которая не подчинялась ни одной команде. Инсульт. Слово, похожее на приговор. Сначала он был просто громом, а потом этот гром ударил в него самого, испепелив все нервные связи, оставив лишь дымящиеся руины тела. Врачи называли это синдромом запертого человека. Красивое название для самой страшной тюрьмы, какую только можно вообразить. Он был заживо погребен в самом себе.

Единственным окном в мир оставался взгляд. Его глаза, два серых, пронзительных, как сталь, глаза, которые когда-то заставляли трепетать советы директоров, теперь были единственным мостом между ним и миром. Мостом, по которому он не мог пройти сам. По нему могли только догадываться о его существовании. И поначалу это окно было почти полностью заколочено. Врачи, сиделки, специалисты — все смотрели на его пустой, устремленный в потолок взгляд и качали головами. Они не видели в нем разум. Они видели лишь оболочку, овощ, который нужно поливать, переворачивать и кормить через трубочку. Они говорили о нем «он», но в их тоне не было местоимения, обозначающего личность. Это

было «оно».

Андрей ненавидел их всех в эти моменты. Ненавидел с силой, которая, не имея физического выхода, сжигала его изнутри, как кислота. Он хотел кричать, что он здесь, что он все слышит, все понимает, что он — Андрей Строганов, а не груда бесполезной плоти. Но крик застревал в горле, превращался в жалкое, нечленораздельное мычание, которое все принимали за рефлекторный звук. Он пытался моргнуть, чтобы хоть как-то привлечь внимание, но веки были чужими, налитыми свинцом. Единственное, чем он мог управлять, — это едва заметным движением зрачков. Вверх. Вниз. Влево. Вправо. Но и это было почти непосильным трудом, остававшимся незамеченным в полумраке больничной палаты.

Его империя, его детище, построенное по кирпичику, сколоченное потом, кровью и бессонными ночами, рушилась. Он чувствовал это не по звонкам, нет. Он чувствовал это по тому, как менялись разговоры за дверью. Сначала это были приглушенные, взволнованные обсуждения состояния, прогнозов, срочных операций. Потом разговоры стали реже. Тише. В них появились нотки безнадежности. А затем он услышал главное — слова о совете директоров, о доверенностях, о временном управляющем. Его компания уплывала из его рук, как песок сквозь пальцы, и он ничего не мог с этим поделать. Абсолютно ничего.

Однажды, когда казалось, что бездна отчаяния оконча-

тельно поглотит его, в палате появился новый человек. Андрей слышал его шаги: легкие, уверенные, не суетливые. Такие шаги бывают у людей, которые точно знают, зачем пришли. Затем раздался голос — молодой, звучный, с той неприятной, чересчур правильной дикцией, которая выдает в человеке либо диктора, либо личность, привыкшую контролировать каждое свое слово.

— Здравствуйте, Андрей Валентинович, — сказал голос, и в этом приветствии не было ни капли фальшивой жалости, которую он так ненавидел. Только деловое спокойствие. — Меня зовут Виктор. Виктор Логинов. Я ваш новый личный ассистент. Правление попросило меня помочь... в сложившейся ситуации.

В поле зрения, ограниченном потолком, появилось лицо. Молодое, холеное, с аккуратной стрижкой и очками в тонкой металлической оправе. Глаза за стеклами были серо-голубыми и смотрели на Андрея с тем самым выражением, которое он видел у врачей, — смесь клинического интереса и профессиональной отстраненности. Но было в них и нечто иное. Что-то едва уловимое, что заставило Андрея, парализованного и беспомощного, внутренне насторожиться. Это был блеск. Жадный, оценивающий блеск, какой бывает у оценщика, разглядывающего редкую картину, доставшуюся ему почти даром.

— Я знаю, что вы меня слышите, — продолжил Виктор, отходя куда-то в сторону. Послышался шорох, стук чемода-

на, поставленного на стол. — Вы полностью парализованы, но ваши когнитивные функции, по заключению неврологов, могут быть частично сохранены. Вероятность невелика, но я привык работать с любыми возможностями.

Андрей слушал, и сердце его, единственный неподвластный инсульту орган, забилося быстрее. Этот человек говорил с ним не как с овощем. Он говорил с ним как с личностью. Это была искра надежды среди беспросветного мрака.

— Я изучил вашу историю болезни, — голос Виктора доносился откуда-то сбоку, где, по всей видимости, стоял стол с препаратами. — Тотальный паралич. Полная утрата двигательной активности. Единственный канал связи — окуломоторная реакция. Ваши глаза. Это немного, но, как говорится, лучше, чем ничего.

Он снова появился в поле зрения, держа в руках небольшое устройство. Это была тонкая металлическая планка с объективом, закрепленная на гибком штативе, которую Виктор установил прямо перед лицом Андрея.

— Перед вами камера слежения за движением зрачков, — пояснил он, поправляя объектив. — Она будет считывать малейшие изменения вашего взгляда и передавать их на компьютер. Наша задача — настроить систему коммуникации. Сначала простые ответы: да, нет, возможно, буквы алфавита. Потом — фразы, а затем, если Бог даст, и полноценное управление. Согласитесь, это лучше, чем лежать и смотреть в потолок?

Андрей почувствовал, как где-то в глубине его существа, среди руин и пепла, разгорается яростное, отчаянное желание жить. Этот человек, Виктор, давал ему шанс. Шанс снова обрести голос, пусть и электронный. Он хотел ответить «да», хотел закричать, но вместо этого лишь изо всех сил попытался направить взгляд на объектив камеры. Зрачки, словно налитые свинцом, с трудом сфокусировались на холодном стекле.

Виктор улыбнулся, но улыбка эта не коснулась его глаз. Она осталась лишь движением губ, вежливым, но бездушным.

— Я расцениваю это как согласие, — произнес он, отворачиваясь к ноутбуку, который принес с собой. — Начнем.

Первые недели были наполнены мучительным, выматывающим трудом. Виктор оказался требовательным и педантичным учителем. Он часами сидел рядом, надиктовывая задания, настраивая чувствительность камеры, калибруя программу. Андрей должен был научиться заново управлять своими глазами, превратить их в точный инструмент. Сначала это были простые паттерны: посмотреть вверх — да, вниз — нет, влево — повторить, вправо — перейти к следующему пункту. Каждое движение требовало колоссальных усилий, концентрации, воли. Воля, единственное, что у него осталось, теперь была направлена на эту тонкую нить связи с миром.

Виктор был терпелив, но его терпение было холодным, ма-

шинным. Он не проявлял ни раздражения, ни сочувствия. Он просто выполнял свою работу. Постепенно между ними установился особый ритм. Виктор приходил в палату каждое утро, ровно в девять. Его появление всегда сопровождалось одним и тем же ритуалом: он молча ставил кейс на стол, проверял показания приборов, поправлял камеру, садился рядом и раскрывал ноутбук.

— Доброе утро, Андрей Валентинович, — произносил он бесцветным голосом, не глядя на него. — Сегодня мы продолжим работу над алфавитной таблицей. Ваша задача — следить за маркером.

На экране, который стоял перед глазами Андрея, появлялась сетка с буквами. Маркер начинал медленно перемещаться по рядам. Андрей должен был смотреть на нужную букву, и когда камера фиксировала это, компьютер отображал ее в строке сообщений. Это было изнурительно. Слова складывались по буквам, буквы — по взглядам, а взгляды требовали всей его энергии. После часа таких занятий он был выжат, как лимон, но мысль о том, что теперь он может общаться, придавала сил.

— Почему вы этим занимаетесь? — спросил он однажды, когда ему удалось набрать этот вопрос на экране.

Виктор на мгновение перестал печатать и посмотрел на Андрея. Его лицо было спокойным.

— Мне за это платят, — ответил он просто. — И хорошо платят. Кроме того, это интересная задача с технической

точки зрения. Создать полноценный канал связи с полностью парализованным человеком. Это вызов.

— А как же моя компания? — с трудом набрал Андрей.

— Компанией управляет совет директоров. Ваша роль, как я понимаю, сейчас номинальна. Моя задача — поддерживать канал связи, если он появится, и передавать ваши пожелания, если таковые будут. Но, как вы сами понимаете, любые решения, принятые человеком в вашем состоянии, могут быть оспорены. Пока это просто... консультации.

Андрей почувствовал укол разочарования. Он был нужен лишь для галочки, для проформы. Чтобы показать, что о владельце помнят. Но все же это было лучше, чем ничего. Это был шанс вернуть контроль. Он должен был доказать им, что его разум ясен, что он дееспособен.

Вскоре он смог набирать целые предложения. Виктор, следуя его указаниям, начал подготавливать письма для совета директоров, запросы о финансовом состоянии, аналитические отчеты. Андрей с жадностью впитывал информацию, которую Виктор зачитывал ему. Цифры, факты, фамилии. Он пытался восстановить картину происходящего в его империи, но картина эта была смазанной, неполной. Виктор давал лишь то, что считал нужным, а на прямые вопросы отвечал уклончиво.

Постепенно, незаметно, их роли начали меняться. Виктор уже не просто передавал команды. Он начал советовать, рекомендовать, а затем и настаивать.

— Андрей Валентинович, — говорил он, просматривая сводку, — совет директоров сегодня рассматривает вопрос о слиянии с компанией «Транс-СтройИнвест». Я бы на вашем месте не рекомендовал поддерживать это решение. Их активы переоценены, а долговая нагрузка критична. Я подготовил проект письма с вашим отрицательным мнением. Взгляните.

Андрей изучал текст, который Виктор выводил на экран. Он был составлен грамотно, аргументированно, в его собственном стиле. Он не мог не признать, что ассистент отлично справляется. Интуиция, та самая, что годами помогала ему избегать ловушек в большом бизнесе, молчала. Виктор казался настоящим профессионалом, болеющим за дело. Андрей одобрял.

Первое время он чувствовал себя почти счастливым. Впервые за много месяцев он получил возможность влиять на мир. Его распоряжения, переданные через Виктора, выполнялись. В письмах от партнеров звучали прежние нотки уважения. Он снова был Андреем Строгановым, пусть и запертым в неподвижном теле, но все же реальным, действующим. Он был настолько увлечен, что не сразу заметил тревожные звоночки.

Сначала это были мелочи. Виктор неверно цитировал его распоряжение в телефонном разговоре, но быстро исправлялся. Потом он, как показалось Андрею, слишком вольно интерпретировал его указание по одному из контрактов. Ко-

гда Андрей одобрил покупку партии сырья у одного поставщика, Виктор отправил письмо другому, объяснив это «лучшими условиями, которые удалось согласовать в последний момент». Андрей тогда не придал этому значения. Мало ли нюансов.

Затем начались «проблемы с оборудованием». Экран начал зависать, камера иногда переставала реагировать на движения глаз. Виктор каждый раз сокрушенно вздыхал, говорил о несовершенстве технологии, чинил, перезагружал. В эти моменты Андрей чувствовал себя выброшенным обратно в темницу, в одиночное заключение. Начиналась паника, липкая, удушающая. Но Виктор быстро возвращал его к «жизни», и Андрей с благодарностью, как пес, прощал ему все неполадки.

Перелом наступил внезапно, как удар грома, который когда-то сразил его самого. Это было связано с контрактом на поставку оборудования для нового горно-обогательного комбината. Это была крупнейшая сделка года, и от нее зависело многое. Андрей тщательно изучил все документы, которые ему предоставил Виктор. Цифры сходились, перспективы были блестящими. Конкурентом выступала компания, которую он считал слабой.

— Готовьте письмо о намерениях, — набрал он на экране. — Подтверждаем условия.

Виктор, стоявший у окна, медленно обернулся. На его лице впервые за все время появилась странная, задумчивая

улыбка.

— Вы уверены, Андрей Валентинович? — спросил он, и в его голосе Андрею послышалась ирония. — Условия, мягко говоря, не самые выгодные. Я бы рекомендовал потребовать скидку.

— Я все изучил, — набрал Андрей, чувствуя, как внутри поднимается раздражение от того, что его решения оспариваются. — Отправляйте.

— Хорошо, — легко согласился Виктор. — Воля ваша.

Через несколько дней Андрей узнал, что контракт сорван. Партнеры в последний момент подписали соглашение с конкурентом, предложившим более гибкие условия. Строганов был в ярости. Он чувствовал себя обманутым, но не понимал, кем. Он потребовал у Виктора объяснений. Тот снова был сама любезность.

— К сожалению, — развел руками Виктор, — пока я готовил и отправлял ваше письмо, они успели встретиться с нашими конкурентами. Возможно, если бы мы отправили его на пару часов раньше, ситуация сложилась бы иначе. Увы, техника дала сбой. Вы же помните, камера снова зависла.

Андрей помнил этот сбой. Он случился как раз в тот вечер, когда нужно было отправлять письмо. Но тогда он не придал этому значения. Теперь же в его голове, словно из тумана, начали проступать контуры чудовищной догадки. Он начал вспоминать другие случаи. Зависания, неверные отправки, «потерянные» документы, «неправильно понятые»

формулировки. Все эти мелкие технические неполадки, которые он списывал на несовершенство технологий, теперь складывались в зловещий узор. Узор, который вел к одному-единственному центру — Виктору.

Он попытался успокоить себя. Паранойя. Ему мерещится. Виктор — единственный, кто с ним разговаривает, единственная связь с миром. Зачем ему вредить? Он же на его стороне. Но червь сомнения уже поселился в его мозгу и начал свою разрушительную работу.

Однажды Виктор принес ему на подпись платежное поручение. Крупная сумма. Перевод на счета офшорной компании. Андрей внимательно изучил документ. Назначение платежа было размытым: «Консультационные услуги по стратегическому развитию». Компания-получатель была ему незнакома.

— Что это? — набрал он на экране, стараясь, чтобы его «голос» звучал ровно.

— Оплата по счету фирмы «Меркурий Консалтинг», — невозмутимо пояснил Виктор. — Они готовили аналитический отчет по рынкам Юго-Восточной Азии. Вы одобрили этот платеж в прошлом месяце. Помните? Вы еще сказали, что расширение на эти рынки — наш главный приоритет.

Андрей похолодел. Он не помнил этого. Он помнил разговор о перспективах расширения, но он был чисто теоретическим. Он никогда не отдавал распоряжения о заказе отчета и, тем более, об оплате этих «услуг». Он лихорадочно пытал-

ся вспомнить тот день, но в памяти зиял провал. Возможно, это случилось во время очередного сбоя камеры. Или когда Виктор читал ему новости, и он устал.

— Я не помню этого, — вывел он на экран.

Виктор поднял бровь.

— Андрей Валентинович, вы очень устаете, — произнес он мягким, почти сочувственным тоном. — Я же говорил вам, что нужно больше отдыхать. Такая нагрузка вредна. У вас все записано в протоколах. Вот, посмотрите.

Он вывел на экран историю общения. Андрей уставился на строки. Да, там было его «да» на вопрос «Одобрить платеж компании "Меркурий Консалтинг"?». Но он не помнил, чтобы давал это согласие. Он помнил, что смотрел тогда на другую букву, когда маркер двигался по строке с другими вопросами. Неужели он ошибся? Неужели его взгляд, уставший и неточный, сыграл с ним злую шутку?

Волна ужаса, холодная и липкая, накрыла его с головой. Он не мог доверять своим собственным глазам. И он не мог доверять Виктору. Единственный человек, который был его мостом в мир, оказался либо его палачом, либо, в лучшем случае, невероятно небрежным исполнителем. И оба этих варианта вели в пропасть.

— Я хочу видеть все протоколы, — набрал он, чувствуя, как дрожит курсор на экране, хотя взгляд его был прикован к объективу.

— Разумеется, — вежливо согласился Виктор. — Все

протоколы хранятся в базе. У вас будет к ним полный доступ. Но, как я уже говорил, вам нужно быть осторожнее с нагрузками. Ваш мозг слишком утомляется, отсюда и провалы в памяти.

Провалы в памяти. Это было страшное слово. Неужели инсульт повредил не только его тело, но и разум? Неужели он и вправду начал забывать свои решения, а затем, чтобы оправдать себя, придумывает заговоры? Эта мысль была не менее ужасна, чем предательство Виктора. Она лишала его последней опоры — веры в собственный рассудок.

В ту ночь он не спал. Он лежал в темноте, слушал монотонное гудение приборов и пытался сложить мозаику событий. Он вспоминал каждую деталь, каждое зависание экрана, каждую оговорку Виктора, каждое его «вы ошибаетесь» или «вам показалось». И постепенно, из хаоса обрывков и теней, начала вырисовываться холодная, чудовищная в своей ясности картина.

Ему не показалось. Сбой в тот вечер с контрактом был не случаен. Виктор, зная о важности сделки, намеренно задержал отправку письма, а затем солгал о неполадках. Счета «Меркурий Консалтинг» — это фиктивная компания, через которую он выводит деньги. Его «промахи» в цитировании — не ошибки, а целенаправленное искажение команд, переданное партнерам. Он не просто небрежный помощник. Он хитрый, хладнокровный хищник, который методично разрушает его империю, используя его же имя, его же взгляд, его

же парализованное тело.

Андрей Строганов, великий и ужасный, оказался марионеткой в руках собственного ассистента. Куклой, запертой в стеклянном ящике, чьи дерганья за ниточки управляли его компанией. И самое страшное заключалось в том, что никто в целом мире не подозревал об этом. Все вокруг видели в нем беспомощного инвалида, прикованного к постели, а в Викторе — заботливого, преданного помощника, единственную связь с сознанием великого бизнесмена.

Он должен был действовать. Должен был доказать, что он жив, что он в сознании, что он все понимает. Но как? Кому он мог рассказать? Слова, которые он набирал взглядом, проходили через ноутбук Виктора. Звонки, которые он инициировал, делал Виктор. Письма, которые он «подписывал», отправлял Виктор. Он был полностью, тотально изолирован. Его единственный тюремщик был и его единственным надзирателем, переводчиком и адвокатом в одном лице.

Единственное, что у него оставалось, — это его воля. Закаленная в битвах за бизнес, нестигаемая, как стальной стержень, она была его последним оружием. Он должен был перехитрить своего тюремщика. Должен был найти дыру в этой совершенной системе контроля. Должен был доказать, что он — Андрей Строганов, а не овощ, лежащий в ожидании смерти.

Он закрыл глаза, что само по себе требовало невероятных усилий, и погрузился в темноту, где рождался план. Тихий,

как шепот, но способный превратиться в гром. Он не знал, сколько прошло времени. В этой темноте, под веками, которые он с трудом удерживал опущенными, секунды превращались в липкую, тягучую смолу, а минуты — в бесконечные часы. Сон не шел. Он был слишком возбужден, слишком напуган, слишком зол. Злость — вот что поддерживало его. Она, как раскаленная игла, прошивала его сознание, не давая провалиться в спасительное забытие. Он был не просто жертвой. Он был воином, попавшим в засаду, и теперь, истекая кровью, должен был из последних сил вырвать победу у врага.

Андрей Строганов всю жизнь полагался на свой интеллект. Он был шахматистом в мире, где все играли в кости. Умение просчитывать ходы на десять шагов вперед, видеть скрытые мотивы, чувствовать ложь за секунду до того, как она будет произнесена, — вот что сделало его тем, кем он был. И сейчас, лежа в этой проклятой палате, он должен был использовать все свои навыки, чтобы обыграть противника, у которого на руках все козыри. Виктор — да, Виктор. Это имя теперь звучало в его голове как приговор. Хищник, прикинувшийся овцой. Он долго изучал свою жертву, прежде чем нанести удар. Он знал о нем все: слабости, страхи, привычки. И он использовал это. Но Андрей знал одну вещь, которую Виктор, при всем своем хладнокровии, возможно, упускал из виду. Андрей Строганов никогда не сдавался. Даже когда его загнали в угол, даже когда его лишили всего —

голоса, тела, возможности действовать — он все равно будет бороться. Его разум оставался острым, как скальпель, и он должен был найти способ использовать этот скальпель против тюремщика.

Он открыл глаза. Серый предрассветный сумрак просачивался сквозь плотные шторы, придавая палате вид заброшенного склепа. Очертания приборов, капельницы, монитора — все это было ему знакомо до малейшей детали. Его тюрьма. Его поле битвы. Он обвел взглядом потолок — единственное, что ему было доступно. Паутина в углу. Трещина на побелке. Плафон ночника, похожий на глаз какого-то мифического чудовища. Он смотрел на эти вещи уже почти девять месяцев, и они стали частью его самого. Его личная вселенная, за пределы которой ему не выбраться. Но сегодня эта вселенная должна была измениться.

Он не мог позвать на помощь. Не мог нажать кнопку вызова. Не мог пошевелить пальцем, чтобы привлечь внимание. Все, что у него было, — это его глаза. И он должен был заставить их работать против Виктора. Он должен был найти способ оставить след, который бы заметил кто-то другой. Кто? Врачи? Медсестры? Они приходили и уходили, менялись по сменам, скользили по нему пустыми взглядами. Они выполняли свою рутину: переворачивали его, мыли, кормили через зонд, вводили лекарства. Они не разговаривали с ним. Они разговаривали друг с другом, иногда о нем, но никогда — с ним. Он был для них предметом обстановки. Они

не увидят его сигналов. Или, если увидят, не поймут. Скажут: «У пациента спонтанные движения глаз». Спишут на рефлекс. Как он мог достучаться до мира, если его единственный переводчик — его враг?

Он перебирал в уме все возможные варианты. Попросить Виктора пригласить к нему независимого эксперта? Это было очевидно. Виктор никогда не пойдет на это. Или пойдет, но приведет кого-то, кто в сговоре с ним. Попросить о встрече с членами совета директоров, чтобы «обсудить дела»? Виктор может присутствовать при разговоре и снова искажать его слова, а после — объяснять все «усталостью пациента». Написать письмо? Через ноутбук Виктора. Все дороги вели через Виктора. Он был брандмауэром между Андреем и реальным миром, и этот брандмауэр был настроен на то, чтобы пропускать только ту информацию, которая выгодна самому Виктору.

Единственный способ — обойти его. Найти канал, о котором Виктор не знает. Но был ли такой канал? Он снова и снова прокручивал в голове все, что знал о своем состоянии, о синдроме запертого человека. Его мозг, его глаза, его способность слышать и видеть. Что-то было еще. Что-то, что не поддавалось полному контролю. Сердце. Да, сердце. Оно билось. Оно реагировало на стресс. Когда Виктор лгал, когда он искажал его команды, сердце Андрея начинало биться быстрее. Это можно было заметить на мониторе. Кардиограмма, этот бесконечный зигзаг, бегущий по экрану, отра-

жал его эмоции. Но кто будет смотреть на кардиограмму в тот момент, когда Виктор произносит какую-нибудь ложь? Медсестры? Они приходят по расписанию. Да и что они увидят? Небольшое учащение пульса. Такое бывает. Это не доказательство.

Ему нужно было нечто более явное. Нечто, что невозможно списать на случайность или болезнь. Например, если бы он мог заставить свой взгляд двигаться по определенной, заметной траектории. Что-то вроде азбуки Морзе глазами. Но это было слишком сложно. И слишком опасно. Виктор бы заметил. Он и так слишком пристально следит за его глазами.

И тут в его голове вспыхнула идея. Простая, как все гениальное. Технология. Все его общение с миром шло через систему, которую настроил Виктор. Камера, компьютер, программное обеспечение. Что, если он сможет использовать саму эту систему против ее создателя? Что, если он сможет обмануть ее, заставить работать не так, как ожидает Виктор? Например, если он сможет выводить сообщения не на тот экран? Или отправить письмо по электронной почте напрямую, минуя Виктора? Но для этого нужен доступ к системе, которого у него не было. Виктор всегда сам управлял ноутбуком. Андрей мог только смотреть и выбирать.

Или... Нет, это было слишком фантастично. У него не было рук, чтобы печатать. У него не было голоса, чтобы говорить. У него был только взгляд. И этот взгляд был в клетке, построенной Виктором.

Он снова вспомнил о том, как Виктор сказал ему о «провалах в памяти». Это была психологическая атака. Он пытался заставить Андрея сомневаться в себе. И это работало. Андрей действительно начал сомневаться. А что, если Виктор прав? Что, если болезнь все-таки повредила его мозг, и эти «воспоминания» о неверных командах — лишь плод его воспаленного воображения? Что, если он, Андрей Строганов, просто параноик, а Виктор — ангел-хранитель, который пытается ему помочь? От этих мыслей кровь стыла в жилах. Потому что если это правда, то он, Андрей, опасен для самого себя. И его борьба — это борьба с ветряными мельницами.

Но затем он вспоминал конкретные факты. Слишком много совпадений. Слишком много сбоев в самые неподходящие моменты. Слишком много раз, когда «слова» Андрея, переданные Виктором, приводили к результатам, выгодным кому-то другому. Нет. Это не паранойя. Это его деловая хватка, которая не может ошибаться. Он чувствовал ложь. Это было у него в крови. Виктор лгал. И он должен был это доказать.

Как? Ему нужно было заставить Виктора выдать себя. Поймать его на противоречии. Но для этого нужно было контролировать ситуацию. А он не мог даже встать с кровати.

Пришла утренняя смена. Медсестра, молодая женщина по имени Светлана, которую Андрей знал только по голосу и по мягким, но уверенным прикосновениям, вошла в палату.

Она была одной из немногих, кто, казалось, не испытывал к нему отвращения. Иногда, делая ему массаж, она тихонько напевала что-то неразборчивое. Сегодня она, как всегда, была деловита.

— Доброе утро, Андрей Валентинович, — произнесла она, хотя знала, что он не ответит. — Сейчас умоемся.

Она аккуратно протерла его лицо влажной губкой. Теплая вода, прикосновение мягкой ткани — это было почти приятно. Единственная телесная радость, доступная ему. Затем она проверила капельницу, поменяла пакет с питательным раствором, записала что-то в журнале. Андрей следил за ней взглядом. Она была его единственным окном в мир, не связанным с Виктором. Могла ли она стать союзником? Он не знал. Она была слишком осторожна, слишком профессиональна. Она не смотрела ему в глаза, как будто боялась увидеть там что-то.

Когда она наклонилась, чтобы поправить подушку, Андрей попытался сфокусировать взгляд на ее лице и удержать его. Он хотел, чтобы она заметила, что он на нее смотрит. Осознанно. Светлана на мгновение замерла. Ее глаза встретились с его. В них мелькнуло что-то — испуг? удивление? любопытство? — но тут же исчезло. Она быстро отвела взгляд и продолжила свою работу.

— Все готово, — сказала она, отступая от кровати. — Отдыхайте.

Она вышла, и Андрей остался один. Но этот момент, ко-

роткий, как вспышка молнии, дал ему надежду. Она смотрела на него. Она видела его. Возможно, в ее голове зародилось сомнение: а не осознан ли он? Может быть, стоит попробовать еще раз? Установить контакт, заставить ее понять? Но как? Если он начнет неестественно двигать глазами, она может испугаться и позвать врачей. Его примут за буйного. Это опасно.

Он должен был вести себя естественно. Притворяться. Играть роль бессознательного тела, но при этом искать любую лазейку. Он должен был стать актером, притворяющимся предметом. Одна-единственная ошибка могла стоить ему всего.

Ровно в девять утра в коридоре слышались знакомые шаги. Сердце Андрея сжалось. Виктор. Он шел, неся с собой свою обычную ауру уверенности и превосходства. Андрей заставил себя расслабиться. Мышцы его лица остались неподвижными, глаза — устремленными в потолок. Он должен был выглядеть так же, как всегда: как овощ, по случайности оказавшийся обладателем дорогой медицинской аппаратуры.

— Доброе утро, Андрей Валентинович, — произнес Виктор, входя в палату с неизменной, почти оскорбительной пунктуальностью. Его голос, как всегда, был ровным и бесстрастным.

Послышался стук кейса о стол. Шорох одежды. Виктор подошел к камере, проверил ее положение. Андрей чувство-

вал его присутствие рядом с кроватью. Запах дорогого одеколona, смешанный с едва уловимым запахом кофе. Запах жизни, той самой, которая была у него украдена.

— Сегодня у нас насыщенный день, — продолжал Виктор, настраивая оборудование. — Поступило несколько документов, требующих вашего решения. Начнем с договора о продлении аренды складских помещений. Я подготовил резюме.

На экране перед глазами Андрея загорелся интерфейс. Текст, таблицы, цифры. Он начал читать, но его мысли были заняты другим. Он искал лазейку. Как использовать эту ситуацию в своих интересах? Он должен был быть очень осторожен. Каждое его движение глаз теперь фиксировалось камерой. Виктор следил за всем.

Андрей читал документ, но его внимание было направлено не на содержание, а на структуру интерфейса. Где находится строка состояния? Где иконка отправки? Как работает программа? Он уже изучил ее за месяцы общения. Он знал, что каждое его действие логируется. Виктор может потом просмотреть всю историю его взгляда, как записи камеры видеонаблюдения. Любое отклонение от нормы будет замечено.

И тут он вспомнил о «сбоях». Виктор сам говорил, что система иногда зависает. Что, если он, Андрей, сможет имитировать такой сбой? Или наоборот, поймать момент, когда Виктор отвлекся, и сделать что-то неожиданное? Нет, это

слишком рискованно.

Ему нужно было не просто поймать Виктора за руку. Ему нужно было, чтобы это увидел кто-то третий. Кто-то, кому Виктор не сможет просто солгать. Но такого человека не было. Все посетители, все контакты Андрея проходили через его ассистента. Он был в полной изоляции.

— Итак, — голос Виктора прервал его размышления, — условия аренды предлагают продлить еще на три года с повышением ставки на семь процентов. Ваше решение?

Андрей сфокусировался на экране. Он должен был ответить. Но что, если его ответ снова будет искажен? Что, если он скажет «нет», а Виктор передаст «да»? Или наоборот? Он должен был найти способ проверить это. Но сейчас, в данный момент, он не мог ничего сделать. Только подчиниться.

Он посмотрел на кнопку «Отклонить». Камера зафиксировала взгляд. Компьютер выдал короткий сигнал.

— Отклонить, — прочитал Виктор, не выказав никаких эмоций. — Хорошо. Я подготовлю письмо с отказом. Следующий пункт — отчет о движении денежных средств за прошлую неделю.

Он вывел на экран очередной документ. Цифры мелькали перед глазами Андрея. Он пытался сосредоточиться, но не мог. Его мозг лихорадочно искал выход. Он вспомнил, как однажды, еще до инсульта, читал статью о людях с синдромом запертого человека, которые научились общаться с помощью мигания. Но он не мог мигать осознанно. Его веки

не слушались.

А что, если использовать зрачки для передачи сигналов? Например, смотреть в определенную сторону определенное количество раз? Но камера была настроена только на выбор объектов на экране. Виктор бы заметил, если бы он начал смотреть влево-вправо без видимой причины. Это было бы расценено как спутанность сознания.

Отчаяние снова начало подниматься в его груди, словно черная вода, готовая поглотить его. Но он сдержал его. Он должен был мыслить ясно. Он должен был использовать слабости Виктора. А у Виктора, как у любого человека, были слабости. Тщеславие. Уверенность в своей безнаказанности. Он считал Андрея полностью беспомощным. И в этом была его главная ошибка. Беспомощность тела не означает беспомощность разума.

Андрей решил начать с малого. Создать видимость полного доверия. Пусть Виктор поверит, что его жертва сломлена, что она готова на все ради общения. Что она благодарна ему за заботу. А затем, когда бдительность будет усыплена, — нанести удар.

После просмотра документов Виктор, как обычно, собрался уходить. Андрей проводил его взглядом. У двери Виктор обернулся.

— Кстати, Андрей Валентинович, — произнес он, слегка улыбнувшись, — я слышал, что совет директоров планирует назначить независимую медицинскую экспертизу, чтобы

оценить вашу дееспособность. Не беспокойтесь, я буду рядом и обеспечу, чтобы все прошло гладко.

Андрей почувствовал, как его сердце пропустило удар. Экспертиза. Это могло быть шансом. Независимые врачи, которые не в сговоре с Виктором, могли бы увидеть, что он в сознании. Но Виктор сказал, что «будет рядом». Что это значит? Что он снова будет контролировать процесс? Или что он постарается, чтобы экспертиза прошла так, как выгодно ему — то есть, признала Андрея недееспособным?

Эта новость была и надеждой, и угрозой. Андрей должен был подготовиться. У него было мало времени.

Когда Виктор ушел, Андрей снова остался один. В палате было тихо. Он лежал и смотрел в потолок, но его мысли были далеко. Он анализировал каждое слово Виктора, каждую интонацию. Тот был слишком спокоен, слишком уверен. Значит, у него был план. Он знал, как использовать эту экспертизу в свою пользу.

Андрей должен был опередить его. Но как? Единственное, что он мог, — это попытаться наладить контакт с кем-то из медицинского персонала. С медсестрой Светланой? Или с кем-то из врачей? Ему нужно было дать им знак, но такой, чтобы его нельзя было списать на случайность.

Он снова вспомнил о своем взгляде. Что, если попробовать следить за медсестрой с особой настойчивостью? Не просто случайно смотреть на нее, а именно следить. Когда она двигается по палате, его глаза должны неотрывно следо-

вать за ней. Это необычно для человека в его состоянии. Это может привлечь ее внимание. Возможно, она задумается: а вдруг он сознателен?

Но был риск, что она испугается. Или, что еще хуже, сообщит об этом Виктору. Ведь Виктор — его официальный ассистент, ему доверяют. Медсестра может сказать: «Ваш пациент сегодня как-то странно смотрит». И Виктор примет меры. Усилит контроль. Или, что более вероятно, добавит ему в капельницу какое-нибудь успокоительное, чтобы «снизить возбуждение». Он уже слышал от врачей о возможности седации при «психомоторном возбуждении». Андрей знал, что Виктор, как его ассистент, мог влиять на назначения. Это была опасная игра.

Но у него не было выбора. Играть осторожно значило ждать, пока Виктор окончательно не лишит его всего. Действовать резко значило рискнуть всем. Он выбрал средний путь. Он будет действовать постепенно. Сначала — едва заметные попытки удержать взгляд на лице Светланы чуть дольше обычного. Затем — если она отреагирует — усилить контакт. Он должен был вести себя как человек, который постепенно «просыпается». Это выглядело бы правдоподобно. В конце концов, врачи сами говорили о том, что у пациентов с его синдромом бывают периоды улучшения.

Он провел остаток дня, репетируя. Лежал с закрытыми глазами, представлял, как он будет это делать. Как он будет следить за ней, как она остановится, нахмурится, посмотрит

на него. Как он попытается удержать ее взгляд. Как она отшатнется, но потом снова подойдет. В его воображении эта сцена повторялась снова и снова, пока не наступил вечер.

Пришла ночная смена. Другая медсестра, которую он почти не знал. Она была грубее, быстрее. Она не разговаривала с ним. Только делала свою работу и уходила. Андрей не пытался установить с ней контакт. Он ждал Светлану. Она должна была прийти утром.

Ночь прошла в полудреме. Ему снились кошмары. Будто он заперт в стеклянной камере, а снаружи стоит Виктор и смотрит на него, улыбаясь. В руках у него — пульт управления, и он нажимает на кнопки, заставляя Андрея корчиться в судорогах. Андрей просыпался в холодном поту, сердце бешено колотилось. Он ненавидел эти сны. Но они напоминали ему о том, что реальность может быть еще страшнее.

Утром, как только рассвело, он начал ждать. Минуты тянулись бесконечно. Он слышал, как в коридоре начинается обычная жизнь: шаги, приглушенные голоса, звон посуды. Наконец, дверь открылась, и вошла Светлана.

— Доброе утро, Андрей Валентинович, — произнесла она, как обычно.

Андрей собрался. Он должен был действовать. Как только она подошла к кровати, он начал следить за ней взглядом. Медленно, но настойчиво. Его глаза, как два серых маятника, следовали за каждым ее движением. Светлана, казалось, не замечала этого. Она занималась своими делами: проверя-

ла приборы, поправляла простыни, меняла капельницу. Андрей не отрывал от нее взгляда. Это требовало огромных усилий. Его глазные мышцы, давно атрофированные от бездействия, дрожали от напряжения. Но он не сдавался.

Он смотрел на ее лицо, на ее руки, на белый халат. Он старался вложить в этот взгляд всю свою волю, всю свою мольбу о помощи. Он приказывал ей: посмотри на меня. Увидь меня. Пойми, что я здесь.

Светлана на мгновение замерла. Ей показалось, или пациент действительно смотрит на нее? Она неуверенно обернулась. Встретилась с ним взглядом. И на этот раз не отвела глаза. Она смотрела прямо в его серые, пронзительные глаза, и в ее глазах медленно, как рассвет, начало подниматься сомнение. Осознание.

Андрей понял: она видит. Она чувствует. Она не такая, как все. Она еще не потеряла человечность. Ему захотелось кричать от радости, но он сдержался. Он продолжал смотреть, пытаясь передать ей одну-единственную мысль: «Помоги мне».

Светлана вздрогнула. Она быстро оглянулась на дверь, словно боялась, что за ней подсматривают. Затем снова посмотрела на Андрея. Ее губы слегка приоткрылись. Она, кажется, хотела что-то сказать, но не решалась. Вместо этого она просто кивнула. Едва заметно, почти неуловимо. Но Андрей увидел этот кивок. И он понял: контакт установлен. Первый шаг сделан.

В этот момент в коридоре послышались шаги. Светлана мгновенно отвернулась и принялась с преувеличенной деловитостью поправлять капельницу. Андрей вернул взгляд к потолку. Сердце колотилось как сумасшедшее. Он молился, чтобы Виктор не заметил ничего подозрительного.

Дверь открылась. Вошел Виктор. Его лицо было непроницаемым.

— Доброе утро, Андрей Валентинович, — произнес он, как всегда.

Андрей не смотрел на него. Он смотрел в потолок, но краем глаза уловил, как Светлана, извинившись, выскользнула из палаты. Она ушла, но он знал, что теперь не один. У него появился союзник, пусть и невольный, пусть и неосознанный до конца. Надежда, тонкая, как нить паутины, затеплилась в его груди.

Виктор, не заметив ничего, сел за стол и открыл ноутбук.

— Сегодня у нас важный день, Андрей Валентинович, — сказал он, глядя в экран. — Пришли документы от юристов. Вам нужно подготовить ряд распоряжений по поводу предстоящей медицинской экспертизы.

Андрей перевел взгляд на экран, где уже светились строки документа. Его разум был ясен, как никогда. Игра вступила в новую фазу. Теперь у него была тайна, о которой не знал его тюремщик. И эта тайна была его единственным оружием. Он должен был использовать ее с умом. Хищник еще не знал, что его жертва начала охоту на него.

Глава 2. Танец с тенью

Оставшись после ухода Виктора в привычной тишине, Андрей продолжал лежать, глядя в серый потолок, но его внутреннее состояние разительно отличалось от того, что было ещё вчера. Вчера он был загнанным в угол зверем, который готовился к агонии. Сегодня в его груди, под неподвижной оболочкой из плоти, разгоралось нечто иное — холодное, расчётливое пламя. План, ещё не имеющий чётких очертаний, но уже обретший направление, начинал пульсировать в его сознании, как далёкий барабанный бой.

Медсестра. Светлана. Она стала первым существом из плоти и крови, которое увидело его по-настоящему. Не как пациента, не как обузу, не как овощ. Она увидела в его взгляде нечто, что заставило её замереть, а затем едва заметно кивнуть. Этот кивок был дороже любых миллиардов, которые он когда-либо зарабатывал. Это был знак. Знак того, что он не один. Или, по крайней мере, что он может перестать быть одиноким.

Но Андрей Строганов был не из тех, кто строит замки на песке. Эйфория от первого успеха быстро уступила место трезвому анализу. Светлана — не союзник. Пока. Она — испуганная молодая женщина, которая, возможно, уже жалеет о своём порыве. Её кивок мог означать что угодно: от «я тебя поняла» до «мне нужно бежать отсюда». Она могла уже сей-

час рассказывать о случившемся коллегам, обсуждать странное поведение парализованного пациента в ординаторской, гадать, не померещилось ли ей. А если она расскажет? Если слух дойдёт до Виктора? Тогда его план, ещё не родившись, будет уничтожен. Виктор усилит бдительность, а возможно, и вовсе сменит медицинский персонал, убрав Светлану из палаты. Этого допустить нельзя.

Ему нужно было действовать иначе. Не напрямую. Не пугать её. Не заставлять её принимать решения, к которым она не готова. Он должен был стать для неё не пациентом, который «внезапно очнулся», а чем-то большим. Возможно, загадкой, которую ей захочется разгадать. Или, что ещё лучше, — жертвой, которую захочется защитить. Он должен был сыграть на её человечности, на её профессиональном любопытстве, на её врождённой тяге к справедливости. Но всё это требовало времени, которого у него, как он чувствовал, оставалось всё меньше.

Медицинская экспертиза. Слова Виктора об этом звучали в его голове снова и снова, как набат. «Независимая экспертиза для оценки вашей дееспособности». Это могло стать как спасением, так и окончательным приговором. Если эксперты — честные люди, они увидят, что его разум ясен. Они зафиксируют, что он способен общаться, что он в сознании. Тогда у него появятся права, возможность голоса, доступ к юристам, которые вытащат его из этой тюрьмы. Но если Виктор сумеет повлиять на них, если он представит всё так, что

Андрей — лишь оболочка с рефлексам, — тогда его лишат последней дееспособности, и Виктор получит полный контроль над компанией на законных основаниях. Это был бы конец. Не только его дела, но и его самого как личности.

Андрей понимал, что Виктор не случайно упомянул об этой экспертизе. Он хотел, чтобы Андрей нервничал, чтобы его реакции, зафиксированные приборами, выглядели как признаки нестабильности, тревоги, возможно, даже помрачения рассудка. Он готовил почву. Андрей должен был быть безупречен. Каждое движение его глаз, каждая пауза, каждый выбор на экране должны были соответствовать образу спокойного, но ограниченного в возможностях человека. Никакой паники. Никакой суеты. Только выдержка.

Остаток дня прошёл в этом напряжении. Виктор несколько раз возвращался в палату, принося очередные документы, которые требовали его визы. Андрей играл роль. Он внимательно читал, выбирал ответы, стараясь не выказывать ни излишней подозрительности, ни показного безразличия. Он был сама сосредоточенность. Но под этой маской кипела работа.

Когда Виктор зачитал ему проект письма к юристам относительно экспертизы, Андрей внимательно вслушался. Письмо было составлено безупречно, с юридической точки зрения. В нём говорилось о необходимости обеспечить присутствие ассистента на всех этапах обследования «в интересах пациента, для облегчения коммуникации». Андрей внут-

ренне усмехнулся. Разумеется, Виктор должен быть рядом. Иначе как он сможет контролировать процесс? Нужно было найти способ противодействовать этому, но не сейчас. Сейчас, напротив, следовало изобразить одобрение. Пусть Виктор верит, что его план работает.

— Хорошо, — набрал Андрей на экране, когда Виктор закончил чтение. — Согласен.

Виктор поднял глаза от ноутбука, и на его губах мелькнула едва заметная улыбка удовлетворения.

— Разумное решение, Андрей Валентинович, — произнёс он. — Ваше присутствие духа, несмотря на обстоятельства, заслуживает уважения.

— Когда назначена экспертиза? — спросил Андрей.

— Ориентировочно через десять дней, — ответил Виктор, закрывая крышку ноутбука. — Я позабочусь о том, чтобы вам было максимально комфортно.

Десять дней. Это было и много, и мало. Много, чтобы успеть что-то предпринять. Мало, чтобы всё испортить. Андрей кивнул на экране, хотя знал, что кивка Виктор не увидит — только текст.

— Я рассчитываю на вас, — набрал он.

— Я всегда оправдываю доверие, — отозвался Виктор, и в его голосе Андрею послышалась тонкая ирония, от которой у него похолодело внутри.

Когда ассистент ушёл, Андрей остался наедине с этой фразой. «Я всегда оправдываю доверие». Это было сказано

так, словно он знал, что Андрей ему больше не доверяет. Или ему просто показалось? Паранойя снова подняла голову, но Андрей усилием воли загнал её обратно в клетку. Нельзя поддаваться. Нужно мыслить ясно.

Ночь он провёл в размышлениях. Светлана должна была прийти утром. Она была его единственной надеждой до тех пор, пока он не найдёт способ обойти Виктора. Но как сделать так, чтобы она не испугалась и не отступила? Как передать ей сообщение, если единственный канал — взгляд, а каждое движение глаз может быть расценено как патология?

Андрей вспомнил, что раньше, до болезни, он увлекался астрономией. Звёзды, созвездия, сигналы из глубин космоса. Он даже спонсировал небольшую обсерваторию. Теперь его собственная жизнь напоминала затухающий сигнал далёкой звезды, который нужно было расслышать сквозь шум помех. Если он хочет, чтобы его услышали, он должен был сделать свой сигнал различимым, но не вызывающим подозрений у тех, кто настроен на другие частоты.

Он решил попробовать простую вещь. Когда Светлана войдёт, он будет смотреть не просто на неё, а на определённую точку — например, на её левое плечо, затем на правое, затем на дверь. Это будет похоже на произвольное движение глаз, но если она внимательна, она заметит закономерность. Нет, слишком сложно. Она не поймёт. Нужно что-то иное.

Может быть, использовать ритм? Моргать он не мог, но мог быстро переводить взгляд с одного объекта на другой.

Например, смотреть на неё, потом на капельницу, потом на дверь, потом снова на неё. Если повторить это несколько раз, это может быть воспринято как сигнал. Но опять же, слишком рискованно. Она может подумать, что у него приступ или судороги глаз.

Андрей вспомнил, как в детстве они с братом придумали тайный язык, основанный на количестве нажатий руки. Раз, два, три — это значило «да», «нет», «опасность». Сейчас у него нет рук, но есть глаза. Он может смотреть на один и тот же предмет несколько раз подряд. Например, три раза на дверь — «опасность». Или два раза на неё — «ты». Это примитивная азбука, но для начала сгодится. Однако ему нужно было сначала убедиться, что она вообще готова к такому общению.

Наступило утро. Андрей лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к звукам пробуждающейся больницы. Он не спал почти всю ночь, но усталость не ощущалась. Нервы были натянуты, как струны рояля. Он ждал.

Дверь открылась. Вошла Светлана. Она была одна. Это был хороший знак.

— Доброе утро, Андрей Валентинович, — произнесла она, и её голос звучал чуть тише, чем обычно, словно она сама боялась нарушить тишину.

Андрей перевёл взгляд с потолка на её лицо. Она стояла у изножья кровати, глядя на него. В её глазах была настоятельность, но не та, что бывает у людей, столкнувшихся с

чем-то пугающим. Скорее, любопытство, смешанное с осторожностью. Она ждала.

Андрей смотрел на неё прямо. Не отрываясь. Он постарался вложить в свой взгляд как можно больше тепла, благодарности и мольбы. Светлана замерла. Она не отводила глаз. Прошло несколько секунд. Затем она медленно подошла к изголовью.

— Вы... вы меня слышите? — прошептала она, наклонившись так близко, что он почувствовал запах её дыхания — лёгкий аромат зубной пасты и кофе.

Андрей не мог ответить словами. Он просто продолжал смотреть ей в глаза, стараясь передать всё, что чувствовал. Светлана поджала губы. Её брови сошлись на переносице. Она была в смятении.

— Я, наверное, схожу с ума, — пробормотала она себе под нос, но не ушла. Вместо этого она оглянулась на дверь, словно проверяя, что они одни. Затем снова посмотрела на Андрея. — Если вы меня понимаете, сделайте что-нибудь. Ну, хоть что-нибудь.

Что он мог сделать? Единственное, что ему оставалось, — это перевести взгляд. Резко, но контролируемо. Он посмотрел на её левую руку, лежащую на поручне кровати, затем на её лицо, затем снова на руку. Светлана проследила за его взглядом. Она нахмурилась ещё сильнее.

— Вы смотрите на мою руку? — спросила она. — Зачем? Андрей повторил движение. Её рука, её лицо, снова рука.

Светлана медленно подняла руку, на которую он смотрел, и показала ему ладонь.

— Вы хотите, чтобы я что-то сделала? — спросила она шёпотом. — Подошла ближе? Что?

Андрей перевёл взгляд на дверь. Потом снова на неё. Потом снова на дверь. Светлана поняла. Её глаза расширились.

— Вы боитесь, что кто-то войдёт? — догадалась она.

Андрей посмотрел ей прямо в глаза и не отвёл взгляда. Это было его «да». Светлана медленно выдохнула. Она бросила ещё один быстрый взгляд на дверь, затем снова наклонилась к нему.

— Я не понимаю, что происходит, — зашептала она, — но я вижу, что вы меня понимаете. Это правда?

Андрей снова удержал взгляд. Светлана прижала ладонь к губам, сдерживая возглас. Она была потрясена. Андрей видел, как в её глазах сменяются эмоции: изумление, страх, сочувствие, и снова страх.

— Вам нужно... — начала она и запнулась. — Чем я могу помочь?

Это был главный вопрос. Андрей не мог ответить сложно. Он мог только показать. Он снова посмотрел на её руку, затем на дверь, затем на свои глаза, затем на неё. Светлана напряжённо следила за каждым движением.

— Вы хотите, чтобы я... — она пыталась расшифровать. — Чтобы я что-то принесла? Или кого-то позвала?

Андрей не мог сказать «да» или «нет» вербально. Он мог

только фиксировать взгляд. Он решил использовать простейший код: смотреть на неё дольше обычного — «да», отводить взгляд — «нет». Но она ещё не знала этого кода. Нужно было как-то его установить.

Он снова посмотрел на её руку, потом на своё лицо, потом на неё. Светлана вдруг догадалась:

— Вы хотите, чтобы я принесла вам что-то? Что-то, что поможет вам говорить?

Андрей удержал взгляд. Светлана вздохнула.

— Но что? Я не знаю, что вам нужно. У нас нет ничего такого... Я могу позвать врача. Или вашего ассистента, Виктора.

Андрей резко перевёл взгляд в сторону, затем снова на неё, затем снова в сторону. Это был отчаянный сигнал: «Нет! Не его!». Светлана, кажется, уловила.

— Не Виктора? — уточнила она.

Андрей удержал взгляд. Светлана побледнела.

— Почему? Он же помогает вам... Он всегда приходит, работает с вами...

Андрей не мог объяснить. Он мог только смотреть. Светлана несколько секунд молчала, переваривая информацию.

— Вы мне не доверяете? — спросила она наконец. — Или вы боитесь Виктора?

Андрей снова посмотрел на дверь, затем на неё, затем снова на дверь. Светлана поняла.

— Вы боитесь, что он узнает о нашем разговоре?

Взгляд-«да». Светлана прикусила губу. Она приняла решение.

— Я никому не скажу, — твёрдо произнесла она, хотя было видно, что ей самой страшно. — Я не знаю, что тут происходит, но я вижу, что вы в ловушке. Я постараюсь помочь. Но я не знаю, как. Вы должны показать мне.

Андрей почувствовал огромное облегчение. Он закрыл глаза на несколько секунд — это был его способ выразить благодарность. Светлана, кажется, поняла. Она положила свою тёплую ладонь на его лоб.

— Я приду к вам после обеда, — прошептала она. — Мы придумаем, что делать. А пока — никому ни слова.

Андрей открыл глаза. Светлана улыбнулась ему — настоящей, тёплой улыбкой. Затем она быстро приняла деловой вид, поправила его подушку, проверила капельницу и вышла из палаты.

Оставшись один, Андрей впервые за долгое время почувствовал нечто похожее на надежду. Она была хрупкой, как крылья бабочки, но она была. У него появился союзник. Человек, который видел в нём не предмет, а личность. И пусть она была всего лишь медсестрой, без связей и влияния, — она была его единственным мостом в мир за пределами этой комнаты, за пределами власти Виктора.

Но вместе с надеждой пришло и новое чувство — ответственность. Теперь от его действий зависела не только его собственная судьба, но и судьба Светланы. Если Виктор

узнает, что она помогает ему, ей несдобровать. Он должен был быть крайне осторожен, чтобы не подвергать её опасности. Он должен был вести игру так, чтобы никто — ни Виктор, ни другие медсёстры, ни врачи — не заподозрил их сговор.

День прошёл в нервном ожидании. Виктор, как обычно, появился после полудня. Он был бодр, энергичен, словно предвкушал что-то приятное.

— Андрей Валентинович, у меня хорошие новости, — объявил он, усаживаясь за стол. — Я договорился с клиникой о проведении экспертизы на следующей неделе. В четверг. Утром. Вас перевезут в диагностическое отделение. Я буду сопровождать вас на всех этапах.

Андрей слушал, не выдавая эмоций. В четверг. Это означало, что у него осталось меньше десяти дней. И Виктор будет рядом. Это усложняло всё.

— Какие именно процедуры предусмотрены? — набрал он на экране.

— Стандартный набор, — ответил Виктор, открывая ноутбук. — Магнитно-резонансная томография, электроэнцефалография, оценка когнитивных функций с использованием специализированных протоколов. Всё безболезненно. Вам не о чем беспокоиться.

Андрей знал, что за этими словами скрывается нечто большее. Он знал, что Виктор, вероятно, уже продумал, как повлиять на результаты. Может быть, он подкупил кого-то

из экспертов. Или договорился о том, чтобы во время обследования использовались седативные препараты, которые затормозят его реакции. Или просто планирует присутствовать и «переводить» его ответы, искажая их. Вариантов было множество.

— Я хочу, чтобы на экспертизе присутствовал мой адвокат, — набрал Андрей, внимательно следя за реакцией Виктора.

Тот не подал виду, что удивлён.

— Разумеется, — легко согласился он. — Я уведомлю юридическую фирму. Но вы должны понимать, что допуск посторонних в палату во время обследования может быть ограничен медицинским протоколом. Я постараюсь уладить этот вопрос.

«Постараюсь» — это слово было подобно удару хлыста. Андрей знал, что Виктор ничего не будет «улаживать». Напротив, он сделает всё, чтобы адвокат не смог присутствовать. Но Андрей не стал настаивать. Он не хотел спровоцировать подозрения. Он просто принял это к сведению.

— Хорошо, — набрал он. — Спасибо за заботу.

Виктор улыбнулся своей холодной улыбкой.

— Это моя работа, Андрей Валентинович. Заботиться о вас.

Когда он ушёл, Андрей снова погрузился в размышления. Его план начал обретать контуры. Ему нужно было связаться с внешним миром, обойдя Виктора. Светлана могла помочь.

Но как? У неё не было доступа к его ноутбуку, к его почте, к его документам. Единственное, что она могла сделать, — это передать кому-то информацию. Но кому? Адвокату? Но она не знала его контактов. И даже если бы знала, как бы она объяснила, что парализованный пациент, которого все считают безнадёжным, на самом деле в сознании и просит о помощи? Кто ей поверит?

Нужно было найти способ передать не просто сообщение, а нечто, что доказало бы его дееспособность. Документ. Цифровую запись. Что-то, что невозможно подделать. Но как получить это «что-то», если единственный интерфейс — ноутбук Виктора?

Андрей вспомнил о камере. О том устройстве, которое читало движения его зрачков. Что, если эта система ведёт запись не только в момент общения с Виктором, но и постоянно? Что, если в ней есть логи, которые можно извлечь? Но для этого нужен доступ к компьютеру. А доступ был только у Виктора.

И всё же Андрей не сдавался. Он начал вспоминать технические детали. Когда Виктор настраивал систему, он подключал камеру к своему ноутбуку через кабель. Значит, камера не была автономным устройством. Значит, без ноутбука она бесполезна. Но что, если в самой палате есть другие устройства, которые можно использовать? Например, монитор, отображающий жизненные показатели? Или капельный насос? Нет, всё это не имело выхода во внешний мир.

Он вспомнил, что у него, возможно, остался мобильный телефон. Где он? До инсульта он всегда носил его с собой. Что с ним стало? Возможно, он лежит в его личных вещах, которые хранятся где-то в больнице. Если бы Светлана могла принести его... Но телефон, скорее всего, разряжен, и его нужно было бы зарядить, а также разблокировать. Пароль? Он помнил его, но как передать? Взглядом? На экране ноутбука — да, но не на телефоне.

Слишком много препятствий. Андрей чувствовал, как снова подступает отчаяние. Но он гнал его. Он должен был думать. Думать.

В послеобеденное время, когда в палате обычно наступало затишье, дверь тихо приоткрылась. Это была Светлана. Она проскользнула внутрь, оглянулась, затем подошла к кровати.

— Я пришла, — прошептала она, хотя в этом не было необходимости. — У меня есть пара минут, пока не начался обход.

Андрей посмотрел на неё с благодарностью. Она присела на край стула, на котором обычно сидел Виктор.

— Я не знаю, с чего начать, — призналась она. — Но я видела, как вы общаетесь с Виктором через экран. Это правда, что вы можете набирать текст?

Андрей удержал взгляд. Да.

— Значит, ваш мозг работает. Вы всё понимаете. Это чудо... — она покачала головой. — Но почему вы не можете

попросить о помощи у Виктора? Он же ваш ассистент.

Андрей не мог объяснить. Он мог только смотреть. Но он должен был попытаться. Он перевёл взгляд на дверь, затем на неё, затем снова на дверь, затем медленно, очень медленно, обвёл взглядом комнату, как бы показывая, что он в заточении. Светлана следила за ним.

— Вы хотите сказать, что Виктор держит вас в заточении?
— спросила она едва слышно.

Андрей снова удержал взгляд. Светлана побледнела.

— Но как? Он же приходит сюда, работает с вами... он кажется таким... преданным.

Андрей не мог выразить иронию. Он мог только смотреть. Светлана вдруг резко выдохнула, словно осознав что-то.

— Вы хотите сказать, что он... что он вам вредит? Что он использует вас?

Взгляд-«да». Светлана прижала ладонь к груди.

— Боже... — прошептала она. — Я всегда думала, что он слишком идеален. Слишком вежлив. Слишком холоден. Но я списывала это на его профессионализм. А он, выходит... он манипулирует вами?

Андрей не мог ответить подробно, но он снова удержал взгляд. Светлана несколько секунд молчала, переваривая услышанное. Затем её лицо стало решительным.

— Я не знаю, чем могу помочь, но я попробую. У меня есть подруга, которая работает в регистратуре. Она может узнать, кто ваш адвокат. Или, может быть, я смогу передать

записку... Но как? Если я оставлю записку, её найдут. А если я передам её кому-то лично, меня могут спросить, откуда она.

Андрей понимал её сомнения. Он должен был дать ей нечто конкретное. Он снова начал смотреть на её руку, затем на своё лицо, затем на стол, где стоял ноутбук (сейчас закрытый), затем на неё. Светлана проследила за его взглядом.

— Ноутбук? — догадалась она. — Вы хотите, чтобы я что-то сделала с ноутбуком Виктора?

Андрей удержал взгляд. Светлана задумалась.

— Но он всегда забирает его с собой. Я никогда не видела, чтобы он оставлял его здесь.

Андрей знал это. Но был один момент, о котором Светлана не знала. Иногда Виктор, уходя, оставлял ноутбук на столе, если планировал вернуться в течение нескольких минут. Это случалось редко, но случалось. Например, когда он выходил поговорить с врачом или сделать звонок. В такие моменты ноутбук был без присмотра. Но Андрей не мог сказать об этом Светлане.

— Я присмотрюсь, — пообещала Светлана, будто прочитав его мысли. — Если будет возможность, я попробую заглянуть в него. Но я не умею... я не знаю, что искать.

Андрей не мог ей подсказать. Он сам не знал, где Виктор хранит доказательства своих манипуляций. Возможно, это были логи переписки, которые он удалял, или записи сеансов, которые он редактировал. Или какие-то финансовые до-

кументы. Всё это было за пределами его досягаемости.

— Может быть, вы сможете написать что-то для меня? — предложила Светлана. — Я могла бы отнести это вашему адвокату. Но нужно знать его имя.

Адвокат. Андрей вспомнил его. Игорь Аркадьевич Туманов. Человек, который вёл его дела уже много лет. Честный, принципиальный, преданный. Он был одним из немногих, кому Андрей доверял. Но он не знал, как передать его имя Светлане через взгляд. Это было невозможно.

— У меня есть идея, — сказала Светлана, прерывая его размышления. — Я могу принести вам алфавит. Ну, таблицу с буквами. И вы будете показывать мне буквы, как вы это делаете на экране. Но только я буду смотреть на ваши глаза и записывать. Это займёт время, но это возможно. Только нужно, чтобы нас не застали.

Андрей удержал взгляд. Это была отличная идея. Примитивная, но рабочая. Если она принесёт таблицу и будет водить пальцем по буквам, он сможет останавливать её взглядом. Это было их тайным каналом связи, недоступным для Виктора.

— Я принесу её завтра, — прошептала Светлана. — Я сделаю её сама, чтобы никто не заподозрил. Просто лист бумаги с буквами. И мы попробуем.

В этот момент в коридоре слышались шаги. Светлана мгновенно вскочила, придав лицу деловое выражение. Она быстро поправила простыни, проверила капельницу, за-

тем, не глядя на Андрея, вышла из палаты. Через мгновение дверь снова открылась, и вошёл другой медработник — пожилая медсестра, которую Андрей не знал. Она бросила на него равнодушный взгляд, убедилась, что всё в порядке, и ушла.

Андрей остался один. Его сердце билось часто, но уже не от страха, а от возбуждения. План, который ещё утром был туманным, начал обретать реальные очертания. Завтра Светлана принесёт алфавит. Они начнут общаться. И тогда он сможет передать ей имена, адреса, инструкции. Он сможет связаться со своим адвокатом через неё. Он сможет сообщить о предательстве Виктора. Но всё это требовало времени и осторожности.

Он знал, что Виктор — хищник с острым нюхом. Он мог почувствовать неладное. Поэтому каждый шаг должен был быть выверен до миллиметра. Светлана должна была продолжать вести себя как обычно, не привлекая внимания. Андрей тоже. Их тайные встречи должны были быть короткими и редкими, чтобы не вызвать подозрений. Но даже при всём этом риск оставался огромным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.